

**А. М. Крамаренко**

## **КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ РОССИИ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

Качество России как «самобытного государства-цивилизации» получило официальное признание в Концепции внешней политики страны от 31 марта 2023 года и стало, можно предположить, результатом решительного политического разрыва с Западом, который всегда исходил из культурно-цивилизационной чуждости (инаковости) ему России. Могло показаться, что Москва повела себя резко и конъюнктурно, руководствуясь мотивами геополитического порядка. На деле, вопрос, который веками заматывался под ковер любой российской властью, не мог разрешиться иначе. Тем более в условиях, когда Запад (и исторически – Европа) впал в системный кризис с неопределенным исходом, демонстрировал верные признаки ультралиберального перерождения и, таким образом, попросту терял привлекательность как объект «встраивания» в него России.

Уже не говоря о том, что западные элиты делали все, чтобы дать понять, что для России нет места в их сообществе иначе, как на условиях принятия «американского лидерства» и отказа от своей самобытности и истории. Решение о расширении НАТО на Восток теперь, 30 лет спустя, вполне можно трактовать как завуалированное объявление войны России (далеко не случайно Джордж Кеннан вскоре назвал его «наиболее роковым»). Вопрос культурно-цивилизационного самоопределения России вне Запада имеет длинную историю, которая говорит в пользу его неизбежности.

Это означает в том числе конец европо- / западнцентризма российской власти последних трех веков, независимо от ее конкретно-исторической идеологии, при том что идеология сама по себе, как категория

мышления – это продукт западной цивилизации. Конец иллюзии, самообмана, в том числе советской власти. И это при том, что еще 150 лет назад Тютчев четко и емко определил геополитику отношений Россия-Запад: «Самим фактом своего существования Россия отрицает будущее Запада»<sup>1</sup>. Вся история наших отношений, включая последние 30 лет, указывает на то, что западные элиты с этим утверждением согласны и справедливо усматривают в существовании суверенной России экзистенциальную угрозу для себя, что объясняет и завышение ставок в Украинском кризисе, явно воспринимаемом в западных столицах как некий «последний и решительный бой», проиграв который, им не останется ничего иного, как принять культурно-цивилизационную многополярность нового миропорядка.

Г. Киссинджер в своей книге «Лидерство» 2022 года, которую можно рассматривать как его политическое завещание, говоря о качествах выдающихся политических деятелей указывал, помимо силы характера и «глубокой культуры» (в том числе хорошее знание истории и философии, а также привычка к чтению в противовес современной «визуальной культуре»), на осознание ими своей национальной идентичности. «В отличие от своих аристократических предшественников эти лидеры (а это в том числе Никсон, де Голль, Аденауэр и Тэтчер) обладали глубоко укорененным чувством национальной идентичности, которое их вдохновляло... Они не выставляли себя «гражданами мира»... и никто из них не принял космополитичную идентичность. Для них привилегия гражданства предполагала ответственность являть своим примером особые добродетели своей нации. Служить своему народу и воплощать величайшие традиции своего общества было высокой честью»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Тютчев Ф.И., Россия и Запад. – М.: Культурная революция; Республика, 2007, с.17.

<sup>2</sup> Henry Kissinger, Leadership. Six Studies in World Strategy, Allen Lane/Penguin Books UK, 2022, p. 400-401.

Примечательно, что он цитирует Кристофера Лэша, ставшего одним из первых критиков американских либеральных элит: «Каковы бы ни были его недостатки, национализм среднего класса предоставлял общую почву, общие стандарты и общую систему координат, без которых общество растворяется в то, что является ничем иным, как соперничающими фракциями, как это столь хорошо понимали отцы-основатели Америки – в войну всех против всех»<sup>3</sup>.

С позиций Томаса Гоббса, рассматривавшего государство в минималистском ключе – как средство предотвратить эту «войну всех против всех», критикует нынешнее состояние западного общества, которое имеет прямое отношение к проблематике нового миропорядка, британский философ Джон Грей в своем исследовании на тему «Новые Левиафаны. Мысли после либерализма»<sup>4</sup>. Мало того, что он пишет о тоталитарной эволюции либерализма в форме ультралиберализма Демпартии США, когда элиты покушаются не только на свободу слова, но и свободу мысли, начиная с университетов, им признается всеобщее значение пророчеств-предупреждений Ф. М. Достоевского в его «Бесах»: они имеют прямое отношение не только к России, но и к западному обществу.

Дж. Грей неслучайно много внимания уделяет российским мыслителям второй половины XIX – начала XX веков. Так, он ссылается на забытого у нас К. Леонтьева, который «верно определил одну из патологий либеральной цивилизации, опасаясь, что культ индивидуализма будет угрожать культурному разнообразию. Оно наиболее обогащено, когда общество разделено на отличные друг от друга классы»<sup>5</sup>. То есть его «гомогенизация» / унификация, которую предполагает нынешний тренд «пробужденчества / wokeism» в политике либеральных элит США, чревата «тиранией большинства» и «авторитарным правлением», если обращаться

<sup>3</sup> Christopher Lasch, *The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy*, New York: Norton, 1995, pp.48-49.

<sup>4</sup> John Gray, *The New Leviathans. Thoughts After Liberalism*, Allen Lane/Penguin Books UK, 2023.

<sup>5</sup> Ibid, p.60.

уже к западным единомышленникам К.Леонтьева – А. де Токвиллю, Стюарту Миллю и Герберту Спенсеру.

Из этой общности вполне можно извлечь лишнее доказательство тому, что русский нигилизм подпитывался идеями европейской/западной политической мысли. Действительно, какая разница между советской «политической целесообразностью» и нынешней западной «политкорректностью»? Результат один и тот же, поскольку плоды одного и того же «дерева» западной цивилизации. Советское руководство не могло заблуждаться насчет идеологических следствий шпенглеровского «Заката Западного мира», фактически предав его анафеме, и «старорежимные» философы помогли избавиться от малейших иллюзий о возможности его кооптации в свой антикапиталистический, «пролетарский» нарратив.

С точки зрения разрешения проблемы российской идентичности ключевое значение имеют два базовых посыла Шпенглера: о различии между культурой и цивилизацией (первая – это становление, расцвет и судьба; вторая – закат и смерть с утратой способности к саморазвитию) и о том, что есть Запад и Россия, а (общая для них) Европа – это «пустой звук», недоразумение<sup>6</sup>. Что касается обоих этих тезисов особого внимания, в том числе в силу сохраняющейся ее актуальности, и представляет первая реакция российских мыслителей на труд Шпенглера (в сборнике 1922 года<sup>7</sup> по его первому тому), которая стала последней каплей для новой власти,

---

<sup>6</sup> Шпенглер О., Закат Западного мира. Полное издание в одном томе. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017, стр.28. Тут стоит добавить, что источником недоразумений стал неправильный перевод самого заглавия труда Шпенглера как «Закат Европы», в то время как сам автор настаивает: «Лишь слово «Европа» с пребывающей под его влиянием совокупностью идей связало в нашем историческом сознании Россию с Западом в одно ничем не оправданное единство. Здесь, среди воспитанной на книгах читательской культуры, чистой воды абстракция привела к колоссальным последствиям в реальности. Эти читатели в лице Петра Великого на столетия подменили историческую тенденцию примитивной народной массы, при том, что русский инстинкт справедливо и глубоко – с нашедшей свое воплощение в Толстом, Аксакове и Достоевском враждебностью – ограничивает «Европу» от «матушки России». Запад и Восток – понятия, наделенные подлинным историческим содержанием».

<sup>7</sup> Освальд Шпенглер и закат Европы, Степун Ф. А., Франк Л. С., Бердяев Н. А., Букшпан Я. М., М.:Берег, 1922.

решившейся выслать инакомыслящих интеллектуалов из страны на «философских пароходах».

Участники Сборника хотели быть оптимистами, не зная, что Европе предстоит в XX веке. Вровень со Шпенглером, но с иных позиций, встал Василий Розанов<sup>8</sup>. В своем «Апокалипсисе нашего времени» он попросту признал очевидное: «...в европейском (всем, – и в том числе русском) человечестве образовались колоссальные пустоты от бывшего христианства; и в эти пустоты проваливается все: троны, классы, сословия, труд, богатства... Но все это проваливается в пустоту души, которая лишилась древнего содержания.»<sup>9</sup>.

Александр Солженицын, наш современник, также не мог заблуждаться насчет состояния Запада. В своем Письме вождям Советского Союза в 1973 году он отмечал «многосторонний тупик западной цивилизации», который мы обречены разделить, если не одумаемся. «Жадная цивилизация «вечного прогресса» захлебнулась и находится при конце. И не «конвергенция» ждёт нас с западным миром, но – полное обновление и перестройка и Запада, и Востока, потому что оба в тупике.»<sup>10</sup> Солженицын апеллирует к тем, кого «затравили реакционными «славянофилами», затравили тех, кто говорил, что такой колосс, как Россия, да со многими душевными традициями, особенностями и бытовыми традициями, вполне может поискать и свой особый путь в человечестве; и не может быть, чтобы путь развития у всего человечества был только и непременно один» (прямой ответ Чаадаеву). Будет уместным сказать, что

---

<sup>8</sup> Шпенглер, указ. соч., стр.653-655. Тут важно отметить, однако, что уже во втором томе Шпенглер напишет: «Христианство Достоевского принадлежит будущему тысячелетию». И ранее: «Достоевского не причислить ни к кому, кроме как к апостолам первого христианства.» Другими словами, он близок к мысли о том, что творения Достоевского — это Евангелие эпохи дехристианизации Запада. Бывший архиепископ Кентерберийский Роуэн Уильямс, в свою очередь, определяет творчество Достоевского как «определенного рода икону» (см.: Уильямс Р., Достоевский: язык, вера, повествование. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013, стр.280.)

<sup>9</sup> Розанов В.В., Апокалипсис нашего времени. – М.: ЭКСМО, 2015. – 640 с.

<sup>10</sup>[https://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati\\_i\\_rechi/v\\_sovetskom\\_soyuze/pismo\\_vojzdyam\\_s\\_ovetskogo\\_soyuza.pdf](https://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_sovetskom_soyuze/pismo_vojzdyam_s_ovetskogo_soyuza.pdf)

Тютчев в своем «Письме о цензуре в России» (предположительно записка царю) призывал к свободе слова и общественных дискуссий как средству преодоления европоцентризма самодержавной власти, по отношению к которой советская оказалась в этом вопросе в состоянии полнейшей преемственности – из нее мы выходим только сейчас.<sup>11</sup>

В своё время, в связи с очередной годовщиной Ф. Ницше, Фрэнсис Фукуяма писал, что западная философия так и не преодолела «отрицания равенства человеческого достоинства»<sup>12</sup> – утверждение, которое имеет прямое отношение к культурно-цивилизационной несовместимости западной цивилизации, ее элит.

Культура, таким образом, в XX веке не спасла Европу, но Россия спаслась культурой, унаследованной от Европы и преображенной ею. Почему так получилось и каковы следствия? Тут и возникает вопрос о русской культуре и ее европейском наследии. Как его трактовать теперь, когда, со всей очевидностью, мы не можем себя относить исключительно к европейской культуре? Когда там «отменяют» русскую культуру и культуру вообще. Не уходит ли сейчас на Западе культура из-под ног, в то время как у нас она остается? Не становится ли тогда Россия хранительницей европейской культуры, как это, собственно, было и в советскую эпоху? Как соотнести заключенные в нашей культуре смыслы со смыслами европейской культуры?

К примеру, профессор Ю. Л. Слезкин стоит на почве тезиса о том, что «трудно представить нашу культуру без европейского ландшафта», что «над Россией – зонтик общей с Европой цивилизации. России легче сказать, что она защищает Европу от Европы, чем отказаться от своей связи с ней.»<sup>13</sup>. В то же время он склоняется к тому, что цивилизация объединяется общим

<sup>11</sup> Тютчев Ф.И., Россия и Запад. – М.: Культурная революция; Республика, 2007. – 574 с.

<sup>12</sup> Fukuyama F. Nietzsche: A Philosophy in Context. The New York Times, 7, 2010.

<sup>13</sup> Цитируется по лекции Ю.Л.Слезкина, прочитанной в Высшей школе экономики в Москве 29 мая 2023 года.

литературным каноном, которого у Запада больше нет. Теперь у каждого народа свой, и мы, надо полагать, не исключение. Нельзя не согласиться со следующим утверждением: «В СССР русский литературный канон без труда победил марксизм-ленинизм».

Андре Мальро в своей речи в зале Плейель 5 марта 1948 года, говоря о «кризисе европейского сознания», предложил все же считать Россию Россией, а не Европой.<sup>14</sup> Там же он изложил весьма продуктивную мысль: «Средневековая цивилизация была прежде всего культурой души, цивилизация XVIII века – культурой ума. Эпоха за эпохой эти культуры, обращавшиеся к различным сторонам в человеке, последовательно наслаивались друг на друга; подлинное же их объединение происходит только в наследниках. Истинное наследование всегда связано с преображением». На его взгляд, на такое преображение тогда претендовали США, Советский Союз и Европа. Естественно, что он признавал такие права за Европой, которая прошла через все катастрофы XX века, но «все еще хранила высочайшие из всех, какие только есть в мире, ценности человеческого духа».

Понятно, что идеологическая конфронтация и геополитические императивы Холодной войны вторгались и искажали дискурс европейской культуры. Но сейчас, с политикой западных элит «отменить» Русскую культуру и заодно Православие<sup>15</sup>, есть все основания обратиться к идее наследования и преображения – именно она дает понимание того, кто мы по отношению к европейской культуре.

Георгий Адамович писал примерно в то же время, что и Мальро: «То, что нехотя, хмуро, угрюмо Запад постепенно выпускает из рук, Россия

<sup>14</sup> Цит. по: Мальро А., Завоеватели; Королевская дорога: Романы. – М.: Прогресс, 1992. – 336 с., где эта речь содержится в качестве Послесловия к роману «Завоеватели».

<sup>15</sup> Тут уместно заметить, что С.Хантингтон в своем «Столкновении цивилизаций» (1994 год) характеризует русскую как «славянско-православную», что дает основания рассматривать нынешнюю войну Запада против России как цивилизационную. О роли Православия и религии вообще ранее писал А.Тойнби в своих статьях «Столкновение цивилизаций» и «Россия и Запад»: см. Тойнби А.Дж., Цивилизация перед судом истории, – М., Академический проект, 2022.

должна бы когда-нибудь вернуть в преображенном виде, умудренная всем своим опытом, научившаяся многому такому, чего он и вообще никогда не знал»<sup>16</sup>. Добавим сюда А. Герцена: «громадным явлением Пушкина Россия ответила на вызов Петровских реформ». Но также Бердяева: «Достоевский и есть та величайшая ценность, которой оправдывает русский народ свое бытие в мире, то, на что может указать он на Страшном суде народов»<sup>17</sup>.

В вопросе о судьбах и исторической миссии России приходится возвращаться к евразийцам. Еще в 1921 году Н. С. Трубецкой писал о неизбежности неоколониального статуса Советской России. Ведь, как ни судить, но существование СССР в западной системе координат, включая валютную ущербность, характер торговли и ее условия, что в конечном счете обрекло Советский Союз на распад, квалифицировать иначе не получается. Так ли все плохо? В статье «Русская проблема» он писал: «В туманной дали как будто открываются перспективы грядущего освобождения угнетенного человечества от ига романо-германских хищников. Чувствуется, что романо-германский мир стареет... При таких условиях вступление в среду колониальных стран новой колониальной страны, огромной России, привыкшей существовать самостоятельно и смотреть на романо-германские государства как на величины, более или менее, ей равные, может явиться решительным толчком в деле эмансипации колониального мира от романо-германского гнета. Россия может сразу стать во главе этого всемирного движения. И надо признать, что большевики... в то же время подготовили Россию и к ее новой исторической роли...»<sup>18</sup>.

И далее в русле вполне признанного в Советском Союзе (и, добавим, Зб. Бжезинским) Пробуждения Азии Революцией 1917 года: «Отныне интересы России неразрывно связаны с интересами Турции, Персии, Афганистана, Индии, быть может Китая и других стран Азии. «Азиатская

<sup>16</sup> Адамович Г.В., Одиночество и свобода, М., 1996, с.209.

<sup>17</sup> Бердяев Н.А., Философия творчества, культуры и искусства, т. 2., М., «Искусство», 1994, с. 150.

<sup>18</sup> Трубецкой Н.С. Евразийство. Избранное. Монография. – М.: ИНФРА-М, 2023 с. 218-219.

ориентация» становится единственно возможной для всякого русского националиста». Роль Советского Союза в процессе деколонизации доказала верность этого посыла.

Как бы то ни было, Россия, пусть и не сразу, пришла к неизбежному осознанию себя частью незападного Мирового большинства. Такое позиционирование верно и от обратного: стать частью Запада на его условиях означало бы соучаствовать в неокOLONIALном ограблении всего остального мира, уже не говоря о том, что Россия продолжала бы оставаться в статусе колониальной страны, несмотря на всю свою военно-политическую мощь.

Но не менее ценно и уместно для современной России замечание А.Мальро в его речи в зале Плейель о том, что Франция должна следовать эпохе Людовика XIV, когда страна была обращена «ко всему человечеству» – «не замыкалась на самой себе, была универсальна по своей природе». Это созвучно Пушкинской речи Достоевского о «всечеловечности» России, призванной «разрешить европейские противоречия уже окончательно». Погруженный в междивилизационный контекст, данный тезис также идет в русле евразийцев. Речь, действительно, об эмансипации всех: без всеобщей эмансипации не будет освобождения России и без освобождения России не будет этого всеобщего освобождения. Легко предположить, что именно этот вопрос сейчас разрешается в конфликте Запада с Россией на Украине.

Трудно не прийти к заключению, что Украинский кризис, спровоцированный Западом в его стремлении законсервировать глобальный статус-кво, стал мощным катализатором пробуждения России – пробуждения к осознанию исторической преемственности в своем развитии и своей миссии в истории. Не желая того, Запад делает все, чтобы этот конфликт выглядел как его «гибридная» война с Россией, чтобы в самой России она воспринималась как Отечественная, но уже исключительно на собственной национальной основе и при резком снижении

референциальности / притягательности фактора Запада во внутреннем развитии страны.

Эта качественно новая ситуация в глобальной и евроатлантической политике востребует целый свод анализа межкультурных отношений, который существовал на протяжении порядка последних полутора столетий как в России, так и на Западе, но оставался в тени по обе стороны в силу известных причин идеологического и иного свойства. Сейчас, когда стало понятно, что внешняя политика — это политика идентичности, пришло время обратиться к этому наследию.